

«а ныне») и в целом благодаря ряду лексических антитез в этих фразах (ποθῶν μὲν — ἀπορῶν δέ, ἔῶ — ἐσπέρα, γῆς — οὐρανός) и особому подбору слов напряженность иптоации и смысл первых двух фраз достигают в своем выражении высшего апогея: «Недавно весь род человеческий славословил великого царя в праздничных пиришествах по случаю второго и третьего десятилетий его власти. . . А ныне слово в устах немеет, хотя и жаждет поведать нечто привычное, но не знает, как прозвучать, уstraшенное чудом необычайного зрелища» (I, 1).

Такие примеры различного рода антитез и глубокая насыщенность ими авторского текста свидетельствуют, в сколь значительной мере сочинение Евсевия пропизано риторикой, что вполне соответствовало одному из принципов, провозглашенных идеологами «второй софистики». Но и второй принцип этого культурно-исторического движения поздней античности — насыщенность сочинения философским материалом — также очевиден в произведении Евсевия: рассуждения, относящиеся порою к области философии бытия смертных и бессмертных вещей в I, 3, 26 и в IV, 64, 67 (близкие, впрочем, к рассуждениям неоплатоников)¹⁷, но несравненно чаще к области христианского богословия, составляют около трех процентов общего объема сочинения. Таким образом, если даже в такой далекий от философской проблематики жанр, каким было похвальное слово императору, Евсевий ввел философский материал, следовательно, автор стремился сочетать формальные признаки риторического произведения с философским содержанием. В осуществлении такого синтеза, как известно, представители «второй софистики» усматривали одно из главных достоинств сочинения; следовательно, Евсевий удовлетворяет и этому требованию приверженцев «эллинского возрождения».

Итак, Евсевий — один из первых христианских писателей, который вполне сознательно использует опыт древнегреческой литературы в технических средствах выражения мысли. Заимствуя средства выражения, выработанные древнегреческой литературой, Евсевий подчиняет их своей главной цели писателя-христианина — прославлению императора, который первым из всех римских императоров прекратил гонения на христиан и царствование которого, по мнению Евсевия, олицетворяет образ царства Христова на земле (I, 5 и III, 15). В соответствии с этой целью и новой для его современников идеей имперской теологии автор вводит в свое повествование некоторые новые структурные и тематические элементы: четырехчастное деление произведения, в чем нельзя не признать параллели со структурой главной части Нового завета; помимо того, не боясь отступлений от классического канона похвального слова, он дает обширный документальный материал и новые объекты для сопоставления своего героя. Иными словами, на основе самых общих, выработанных в античной классике правил построения похвальных речей Евсевий создает такое произведение, которое свидетельствует о весьма смелых и действенных попытках христианского автора найти новые возможности художественного выражения.

¹⁷ О платонизме Евсевия см.: A. Dempf. Der Platonismus des Eusebius, Victorinus und Pseudo-Dionysius. München, 1962.